

«Облака», передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Выпуск 28.01.2014.

Прошел год со дня смерти Валерия Абрамкина, человека, которому наша радиопередача обязана своим существованием. Он ушел из жизни 25 января 2013 года после продолжительной болезни, оставив нам в наследство свои идеи, мысли и созданную им организацию - «Центр содействия реформе уголовного правосудия», которая четверть века помогает российским заключенным и участвует в процессах реформ.

Диссидент, бывший политзаключенный, в 80-е годы прошлого века Валерий Абрамкин 6 лет провел в лагерях за издание неподцензурного свободного журнала «Поиски». Вторым сроком он получил уже в тюрьме и по той же самой статье, 190-прим: «распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй». Как он вспоминал, это было довольно смешно – пришли к нему в лагерный барак и сказали «вы арестованы!».

По его собственному признанию, он на всю жизнь так и остался «арестантом». А правозащитником его считают по недоразумению, «за компанию». У микрофона Валерий Абрамкин (из телепередачи «Школа злословия», 2006 год):

Я вообще правозащитником себя никогда не считал. Я попал туда за компанию. Ну, как говорят в Америке, он там хоть грузин, еврей, приехал из России, значит – русский. Вот примерно так же я стал правозащитником. Я занимаюсь не правами человека, а Человеком. А себя считают человеком текстов, скажем, исследователем, арестантом, бывшим. Даже не бывшим, а, как-то так, я по-прежнему считаю себя арестантом, до сих пор.

В апреле 1979 года в Московской городской прокуратуре Валерию Абрамкину *прямо* сказали, что если появится следующий номер журнала «Поиски», его посадят. «Собирается редколлегия, - вспоминал он, - все знают, что меня объявили заложником. Никакого обсуждения, голосования, все смотрят на меня: я должен решать... "Ну и что, - говорю, - даже если б мне расстрелом угрожали - какая разница. Мы не из их угроз должны исходить, а из нашего долга"... Здесь не было вопроса.»

Однако Валерий Абрамкин не представлял, *насколько* реальная тюрьма будет отличаться от того образа, какой сложился у него после прочтения книг Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Анатолия Марченко и Владимира Буковского. Из интервью Валерия Абрамкина:

«То, что тюрьма - совсем другой мир,... загробный мир - это я себе не представлял. Мне приходилось голодать и на воле - по три дня, по неделе. Все это было мне знакомо, поэтому думал: любой голод выдержу. В первый тюремный год я несколько раз объявлял голодовку - на неделю, на 25 дней, и было не так уж тяжело. Но уже через два года двухдневная голодовка требовала от меня таких сил, каких и месячная на воле не требует. Когда я, скажем, в карцер впервые попал... зима, стекла в окне выбиты, а из одежды - трусы, майка, зэковский костюмчик х/б, - не верил, что сутки проживу, а сидеть надо было 10 суток. ... Но и это не самое страшное. В смысле физических страданий, быта и прочего можно было все заранее представить. Но есть вещи, которые не представишь, пока сам не попробуешь. Например, лагерь в первые полгода казался мне сумасшедшим домом... Я не мог там даже ориентироваться. Это было просто страшно... Система безумная.»

Уже после освобождения, вспоминая пережитые ощущения, он осознал, что ближе всего к «его» тюрьме было описание Достоевского в его «Мертвом доме».

Когда в 1985 году Валерий Абрамкин выходил из тюрьмы, он был уверен, что «они» могут сломать *любого* человека, с любым человеком могут сделать все, что угодно. А если не сломали, значит, не хотели. «Сломать» можно понимать по-разному – заставить сделать заявление об отказе от дальнейшей деятельности, публично покаяться... Но самое страшное для Абрамкина было ощущение, что от него ничего не зависит.

«Я до ареста считал, - говорит он в своем интервью 1988 года, - что я сам делаю выбор, - потом у меня начало возникать чувство, что я играю отведенную мне роль. Вот мне отвели роль сверху, - КГБ там или кто - неважно, - я эту силу назвал «завластьем». Мне никогда в голову не приходило, что у конкретных людей, которые мною занимались, такое глубокое проникновение может быть в мое состояние, в мои переживания. А у меня там были жуткие состояния, когда казалось, что выбора я не делал никогда. Меня как ввели, как погрузили в ситуацию, - и все, как им надо, я делал - от начала до конца.» И это уже больше чем трагедия, которая предполагает возможность выбора - выбора между добром и злом. За который ты платишь – смертью, страданиями, карьерой или своей душой (за зло).

Сталинские процессы – там не было ситуации выбора. Какой там был выбор? А демократическое движение, в которое Абрамкин включился в середине 70-х годов, по его мнению, «начало формировать трагедийность, создавая возможность выбора для человека, для каждого из нас, т. е. от нас и зависело расширение области трагедийных ситуаций. Я свободно выбираю - это как бы дает пример. Еще кто-то свободно выбирает. И вот путем расширения поля трагедийности мы как бы создаем возможность катарсиса для всех, т.е. для меня демократическое движение не сводилось просто к борьбе за права человека. Это - борьба за расширение поля трагедийных ситуаций, за духовное возрождение нации, очищение.»

Это позволяло освоить страшный опыт 30-х годов. «Сделать наше прошедшее – прошлым, - говорил Абрамкин, - невозможно без встречи, лучше даже сказать - без сретенья духовных опытов поколений не только нашего и предшествующего поколения, а и поколений из других пластов времени, скажем XIX-го века. ... Когда я вступал в противостояние с властями, то мог вспомнить про декабристов или про петрашевцев, или еще про кого-то. Я свободно выбираю, сам делаю такой-то шаг, иду на жертвы и т. д., т. е. поступаю по своей воле так, как хочу.» А примерно в 1978-м году, признается он, у него впервые возникло ощущение, что это не совсем так, и он делает то, что предписано ему другими.

Силы, которые создавали ситуации без возможности выбора, Валерий Абрамкин называл «завластьем». И считал их чисто мистическими. Потому что были случаи, когда он был твердо уверен в том, что те реальные люди, которые им занимались, не могут знать его состояния, а они действовали так, как будто все знали. «И все, что мне в голову приходило, - рассказывает он в интервью 1988 года социологам Валентине Чесноковой и Леониду Блехеру, - сделать то-то и то-то, как будто ими угадывалось, потому что тут же мне ставилась преграда.» А когда он выходил из этих состояний, у него было ощущение, что может сделать все, что угодно, потому что имеет на это право. И, главное, что ему это по силам, и человек ему подчинится - отдаст кусок хлеба,

безропотно умер. Так было в последний год его тюремного заключения. В 1985 году он вышел на свободу, по его словам, совершенно внутренне сломленным.

Освободился он как будто другим человеком, как говорится, заново рожденным... Свои собственные письма прежних лет теперь читались им как посторонним человеком. «У меня вполне четкое ощущение, - говорил он в 1988 году, - что я не имею сейчас права подписывать одной и той же фамилией свои "Бутырские лоскутки" и все то, что я сейчас могу написать. И не потому, что я чего-то боюсь. Я уже ничего не боюсь. У меня осталось как бы ощущение долга перед тем человеком, который там умер, и этот долг я должен выполнить, - хотя, в принципе это - долг перед другим человеком.» Было такое чувство, что у него совершенно другое предназначение, что он не должен бороться со злом, а должен служить равновесию. «Выжить в борьбе со злом я уже не могу. - говорил он. - Значит, я должен с ним жить как-то в равновесии.»

Валерий Абрамкин считал, что тюремный мир можно изменить только через культурные технологии. И написанная им в 1991 году в соавторстве с Юрием Чижовым книга «Как выжить в советской тюрьме» является примером такого не прямого, но эффективного воздействия на систему. Из интервью Валерия Абрамкина в телевизионной передаче «Школа злословия»:

Я так думаю, что систему эту можно изменить только с помощью культурных технологий... тюремный мир. И вот одна из таких тюремных технологий. В 1991 году мы выпустили огромным тиражом книжку Как выжить в советской тюрьме. .. Первая глава там – всяческие юридические советы, правовые. А вторая – «тюремные нравы и обычаи», где мы описали правильные понятия, как проводится разборка. Но слегка все, так сказать, смягчили. Та мне было неправды, никто не мог меня упрекнуть, что.. ну, то есть люди читают и знают, что это правда, арестанты. А дальше, не только мы установили, но и французские культурологи, и российские, такая вещь происходит: этой книжкой пользуются для того, чтобы эти разборки проводить, скажем и ... что получилось. Во-первых, мы поставили некий предел, стандарт – ниже нельзя опускаться, а вот выше можно – можно вот так сделать, вот так сделать, Мы же там в книжке пишем, что такое правильная хата, как должен поступать правильный арестант, ...и вот–тюремный мир смягчился, в принципе, ну не только из-за этой книжки, может и другие есть.

Валерий Абрамкин умел собирать вокруг себя людей. Он всю свою жизнь, как магнит, притягивал к себе энергичных и ищущих самореализации молодых людей. Вспоминает правозащитник и бывшая политзаключенная Елена Санникова:

Валерий был душой любой компании. Вокруг него всегда было много молодежи. Он был одним их организатором КСП. Я помню эти слеты КСП. Столько людей, столько радости, такое было замечательное общение. И кто организатор, вот в этом был - Валерий. Он был жизнерадостный человек. Он был душой, он умел организовать людей, организовать ради общения, ради радости, ради того, чтобы злу добром противостоять. Добром и единением, общением.... «Возьмемся за руки, друзья» - вот было абрамкинское. Мы школьники были, мы друг другу хвастались знакомством с Валерием Абрамкиным.

После тюрьмы эта его способность объединять людей нашла новое применение. Валерий Абрамкин создает группу "Тюрьма и воля", преобразованную затем в Центр содействия реформе уголовного правосудия. А еще в тюрьме он мечтал о радиопередаче, которая бы дала возможность заключенным быть услышанными нами, живущими на свободе. Ведь им есть о чем рассказать. Их приговорили всего лишь к лишению свободы на определенный срок, но не к пожизненному

забвению. Идея радиопередачи пришла к нему, когда он однажды сидел в штрафном изоляторе и работало принудительно включенное радио...

«По нему, как говорят в таких случаях заключенные, «гнали порожняк», - рассказывал потом Валерий, - то есть целыми сутками передавали бесконечные, однообразные, никому не интересные и не нужные, либо откровенно лживые сообщения. Большая часть таких передач и заполняла радиоэфир в последние годы Советской власти. И тогда мне вдруг пришла в голову мысль: с каким же колоссальным интересом заключенные слушали бы передачу, обращенную непосредственно к ним! Передачу, в которой рассказывалась бы правда об их повседневной жизни. Передачу, из которой и общество на воле смогло бы узнать об ужасах, которые творятся в тюрьмах от имени этого самого общества».

И радиопередача, и созданная им организация продолжают жить, уже после смерти его основателя. Это подтверждение того, что они действительно востребованы обществом и теми, кто сталкивается с системой уголовного правосудия и попадает в российские тюрьмы и лагеря. Они нужны и новому поколению правозащитников. У микрофона Надежда Толоконникова:

Нам есть у кого перенимать опыт. Это одна из самых замечательных новостей для нас теперь. Что касается Валерия Абрамкина, я узнала о нем, когда сидела в тюрьме. И он, Владимир Буковский, Людмила Алексеева, многие другие были для меня моральным ориентиром. ... Без этих ориентиром жизнь там была бы практически невозможной. Потому что это только одно унижение, дезориентация и полное перемешивание всех тех ценностей, с которыми ты туда приходишь. Тебя пытаются убедить в том, что все то, что ты думал до этого, это неправда. Тебя пытаются окружить людьми, которые день за днем, час за часом, будут доказывать то, что то, что ты считал верным, на самом деле является ложью, заблуждением. Свобода, закон – эти слова являются запретными в лагерях, в зоне, и человеку, который их произносят – мстят. Поэтому для меня было важным слушать и читать о тех людях, которые находили в себя силы противопоставлять тому ценностному кодексу, который им навязывается в лагерях...

Это горькое признание человека, только что освободившегося из наших так называемых исправительных учреждений, лишний раз подчеркивает необходимость продолжения реформирования уголовно-исполнительной системы, продолжения того дела, которое было начато Валерием Абрамкиным.